

ВИТАЛИЙ ИГНАТЕНКО

СО МНОЙ И БЕЗ МЕНЯ

Михаил Сергеевич Горбачев, под началом которого я имел честь работать, мои коллеги из его команды время от времени интересовались: «А где твои свидетельства о тех годах?» Потом задавались вопросом и о времени Бориса Николаевича Ельцина, первого Президента России... Почему держишь паузу? А Виктор Степанович Черномырдин? Разве не в его личности воплотились своеобразные таланты нашего народа? Тебе довелось быть рядом с ним в драматические моменты истории новой России.

А встречи с уникальными людьми за рубежами Отечества – папой римским Иоанном Павлом II или китайским премьером Ли Пэнгом...

А друзья?

А герои, которых встретил журналистом и по жизни несешь память о них, как о родных и близких.

Этих замечательных людей объединяет одно – все они на стыке веков стремились изменить мир, не изменяя себе.

• *Все это было*

- *Генеральный директор ТАСС • Сенатор*
- *Вице-премьер правительства России*
- *Пресс-секретарь М.С. Горбачева*
- *Главный редактор журнала «Новое время»*
- *Сотрудник ЦК КПСС*
- *Журналист «Комсомольской правды»*
- *Студент МГУ • сочинский школьник*

- *Все это помнится*

Виталий Игнатенко
Со мной и без меня

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Игнатенко В. Н.

Со мной и без меня / В. Н. Игнатенко — «Издательство АСТ»,
2016

ISBN 978-5-17-099887-6

Виталий Игнатенко стал очевидцем и участником действительно уникальных событий в нашей стране. О своей жизни, своих соратниках и противниках рассказывает Виталий Игнатенко на страницах книги «Со мной и без меня» «Они вошли в кабинет генерального директора ТАСС и приказали мне: «Передайте сообщение: «Режим Ельцина низложен...» «Парнишка предложил мне бросить металлический рубль на большую глубину. «Когда достану, купите мне мороженое, идет?» Я оторопел. В наше время этот фокус знали все мальчишки от Батуми до Одессы...» «Через какое-то время мне позвонил Михаил Сергеевич: «Что ты там наговорил? Я ведь даже еще не читал Солженицына, не знаю, о чем речь. А ты уже... Как же так можно!!!» Сердце, мое, конечно, ёкнуло, но я не чувствовал провала...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099887-6

© Игнатенко В. Н., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Трудовая книжка	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виталий Никитич Игнатенко

Со мной и без меня

© Игнатенко, В. Н., текст, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Трудовая книжка (Вместо предисловия)

Вот она передо мной в серенькой обложке, с углов потертая, подержанная, моя трудовая книжка. Не знаю, потребуется ли она впредь для предъявления. А для воспоминаний – более чем кстати. Смотрю, как я расписывался в самом ее начале, почти школьник. А нынче какая у меня размахистая, внушительная, с одной лишь разборчивой буквой фамильная роспись! Научился чему-то.

Теперь берусь за биографические заметки. Это в трудовой книжке отражено не будет.

Само слово «мемуары» какое-то не мое. Вспомнил – записал, такая последовательность понятна. А мемуары... Не только не думал о них, но даже отрицал, не представлял себя в роли автора.

Михаил Сергеевич Горбачев, под началом которого я имел честь работать, мои коллеги из команды президента СССР время от времени интересовались: а где твои свидетельства о тех годах. Ведь уже многие, не столь близкие к драматическим событиям минувшего, выпустили не один том воспоминаний...

Потом задавались вопросом и о времени Б.Н. Ельцина, первого президента России... Почему держишь паузу?

А Виктор Степанович Черномырдин? Разве он не достоин искреннего и объективно рассказа о своей судьбе. Ты ведь был рядом с этим замечательным человеком...

А все другие...

А друзья?

А герои, которых встретил, как журналист, и так по жизни несешь память о них, как родных людях...

Я имел такую привилегию быть в нескольких командах, которые возглавляли перемены в стране. Работал рядом с людьми великого ума, неповторимыми личностями. Они выделялись мне сильными, мудрыми, порядочными. Но порой – живые же люди! – я находил их в минуты растерянности, слабости, неуверенности... И что: рука – к перу, перо к бумаге... Сколько лет мне доверяли! А я пройдусь чистильщиком по чужим судьбам.

Нет, увольте.

Писать о минувшем – это не о прошлогоднем снеге. Это не о том, что успело покрыться в сознании холодком равнодушия. Прошло, но не ушло.

Все проходит, не все забывается.

И прошлое по разному стучится под веками. Иногда оно посещает веселым набегом, как близкая родня. Но часто, особенно в бессонницу, в сознание толпами ломятся совсем иные гости, иные воспоминания. Они не благодатные, не релаксирующие, скорее тяжкие, с ними сложно, с ними не заснешь. Как математик ищет ошибку в своих расчетах, когда ему становится ясно, что ответ не верен, так и ты, начинаешь копать в дневниках и письмах, старых газетных заметках, в папках домашнего архива, чтобы найти путь к правильному решению.

Но если я промолчу, ближайший друг промолчит...

Подчас соглашаюсь с Конфуцием: «знающий не говорит, говорящий не знает». И творятся не просто мифы и легенды, прописываются лукавые точки зрения на вектор движения великой державы. С дистанции времени многие эпизоды из этих сочинений кажутся мелко-травчатыми, притянутыми к истории за уши. По-прежнему идет борьба идей, которая не может утихнуть, пока страна на переломе, в движении, в поиске...

Я, как автор, поставил сам себе условие: близко не подходить к судейской мантии, к позиции над людьми и событиями. То, чем жило мое поколение, то, во что мы верили, чему учи-

лись, на что надеялись, возможно, кому-то, кто естественным образом идет за нами, покажется интересным.

Постараюсь вспомнить наиболее существенное и честно передать прошедшее перед глазами, запавшее в душу. Но отдаю себе отчет, что для читателя важно не только то, что было со мной, при мне, вокруг меня, но и то, что случилось до меня, без меня, после меня. По-моему, лишь соединив таким путем субъективное и объективное, документалист способен воссоздать реальную, широкую, в убедительных подробностях картину минувшего.

Теперь мне нужна, как говорят музыканты, генеральная пауза.

...22 ноября 2015 года позвонили из кадров Совета Федерации с просьбой забрать трудовую книжку. В трудовую книжку надо вклеить дополнительную страничку для записи: «Полномочия Игнатенко В.Н. как члена Совета Федерации от Краснодарского края завершились».

Я удивился: за всю жизнь я получил лишь немного назначений, а книжке – конец? «Комсомольская правда», ТАСС, ЦК КПСС, журнал «Новое время», секретариат М.С. Горбачева, снова ТАСС, заместитель председателя правительства РФ, член Совета Федерации... Все. И вдруг не хватает страниц...

– А почему страниц не хватило? – спросил я неразумный.

– Там в основном записи о наградах и поощрениях, – был ответ.

– А-а-а... – согласился я, но подумал, что это тоже неверно, ведь у меня были ошибки, срывы, нагоняи, да еще с каких вершин.

Верная помощница, обаятельная Ирина Григорьевна пошла в кадры за документом. Вернулась задумчивая, удивленная, как оказалось, неловкостью пережитого момента:

– Вы за дополнительную страницу должны внести в кассу Совфеда 111 рублей 52 копейки.

– Ну что ж. – Я отсчитал причитающееся.

Это один – чисто бухгалтерский расчет со мной. Впрочем, он проецировался и на другие отношения. Прятали глаза собеседники, а кое-кто и вовсе предпочел сразу отвернуться. Пишу об этом без чувства горечи какой-то утраты. Насчет этих людей я не заблуждался.

Но было у меня подведение итогов совершенно иного рода. Назову его оптимистическим. Читатель, если книжка его заинтересует, сам без подсказки найдет это значимое место и строку, которую я хотел бы вписать в свою трудовую книжку.

Часть первая

Маршрут Сочи – Москва

Глава 1

Станция отправления

Трудно подсчитать, сколько времени я за свою теперь уже долгую жизнь провел в пути-дороге, вдали от дома. Очень много. Не проходило месяца, а часто и недели, чтобы не выпадала неотложная командировка, обязательная поездка. Такая досталась профессия, такая нанизывалась на нее работа. Сказывались и непоседливость характера, и отголоски воспитания.

У нас в сочинской школе, которую я окончил, во всю стену висела карта железных дорог Советского Союза. Именно по ней директор школы, он же учитель истории Степан Михайлович Богданов преподавал нам историю. Не случайно. Во-первых, школа № 72 была железнодорожная. Во-вторых, учитель сам бывший железнодорожник, генерал тяги, знавший решительно все, что было связано со стальными магистралями. Просто его за что-то эмпээсовское начальство бросило на низовку, в школу. Но с правом носить форму. Этот замечательный человек не уставал внушать нам, как важны с младых ногтей точность, порядок, свой график движения, а с ним знание не только куда едешь, но и откуда приехал, то есть станция отправления.

Уроки истории с железнодорожным уклоном от С.М. Богданова мне потом очень пригодились при поступлении в МГУ имени Ломоносова на факультет журналистики. На приемном экзамене по истории мне достался билет о приезде Ленина в Петроград в 1917 году. Я, натурально, начал, как учили, с матчасти самого паровоза. Развал колес, гипоидная смазка, давление в котле, емкость тендера и т. д. Не забыл назвать и фамилию помощника машиниста, упомянув, что до 1933 года он работал на Восточно-Сибирской железной дороге. Когда я приступил к рассказу об исторической персоне – машинисте Яке Хиттунине, экзаменатор, откинувшись на стуле, остановил меня: «Минуточку!»

Мне показалось, что его что-то в моем развернутом ответе потрясло. Он отошел от стола к своему коллеге, который здесь же в аудитории экзаменовал другого вдумчивого абитуриента.

«Ты посмотри, какие ребята поступают, – преподаватель кивнул на меня. – Историю знают до деталей!»

Я получил «пять» и предложение перейти на исторический факультет.

Однако я, конечно же, остался на факультете журналистики. Нас тогда приняли (после школы) всего 15 человек. Остальные – ребята из армии, с солидным трудовым стажем. Выдержал конкурс почти десять человек на место. Как было не помянуть добрым словом станцию отправления! Если иметь в виду жизнь человека, то эта станция отправления в переводе с железнодорожного наша малая родина.

Сочи, где я родился, где прошло детство и отрочество, был город тихий, открытый, но с характером. И с небольшим населением, где-то под 50 тысяч жителей... Отнюдь не город-курорт почти мирового значения, как ныне. Более того, это было место не для всех: ограниченный въезд, паспортный особый режим и все такое. Ведь в Сочи любил отдыхать Сталин. Когда его бронированный лимузин мчал с вокзала в резиденцию, улицы становились безлюдны, лишь вдоль трассы стояли рядами: пионер – милиционер, милиционер – пионер...

Когда я покидал Сочи ради захватывающей воображение московской жизни, среди всех подарков, врученных мне на память, самым дорогим и путеводным стала металлическая табличка со словами «Москва – Сочи». Кто-то из одноклассников снял ее со старого вагона фирменного экспресса. Смысл подарка был ясен: не забывай отчий дом в столице! Если что, воз-

вращайся! Много сувениров растерял я после своих бесчисленных служебно-бытовых кочевок, но табличку сохранил. И остался верен указанному на ней маршруту.

Глава 2

Маяк

Кто не любит море!

Когда я стал взрослым, мне часто хотелось побыть у моря одному. В детстве и отрочестве это редко удавалось. Мальчишеская толпа мешала тогда по-настоящему видеть, слышать, чувствовать стихию моря. Как живое существо, оно открывало сокровенные красоты и тайны только наедине. Идет волна с трехэтажный дом, а на горизонте появляется крохотное светлое пятнышко – корабль. Я уже, конечно, на его капитанском мостике. Естественно, сотни пассажиров боятся бури, неизвестности, но я спасу... И неожиданно на мою голову сваливается друг по улице Алик или Женька из соседней школы. Прощай, волшебное виденье!

Поэтому, если удавалось, я уходил один не только к морю, но и в море.

Вижу себя старшеклассником в легкой лодке знакомого рыбака. Послушные весла вынесли меня с полудня уже далеко от берега. Теперь он темнеет в вечерней дымке. Его можно бы называть лазурным. В первоюности все виделось в чистом светло-синем окрасе. Лазурное море. Лазурное небо. Лазурные ночи. Давно пора назад сушить весла, заметно крепчает ветер, на воде рябь и зыбь. Не застал бы шторм! Тогда я отыскивал глазами на полоске берега наш старый маяк. И сразу успокаивался. Он всегда веселым огоньком подмигивал мне, звал домой.

До седых волос все помню о нем. Когда-то выписал из журнала «Всемирная иллюстрация» от 14 марта 1892 года: «На Кавказском берегу в посаде Даховском (Сочи) выстроен новый маяк, Сочинский. Маяк регулярно освещает все видимое пространство моря. Огонь маяка мерцающий, постоянно белый. Высота огня над уровнем моря 117 футов, математический горизонт – 12,4 мили. Маячная башня каменная, белого цвета и построена в связи с жилым одноэтажным домом. На вершине башни помещается маячный фонарь с балконом и сеткой, а в нем установлен аппарат третьего разряда, френелевской системы. Приставать к маяку в тихую погоду можно...».

Специалисту, очевидно, понятны характеристики маяка. Он сооружался почти в центре города для большого дела, имел серьезное назначение. На металлической табличке, накрепко вшурупленной в основание постройки уже при советской власти, под пятиконечной звездой и в обрамлении якорей выдавлено крупными буквами: «Министерство обороны», «Сочинский маяк» и еще строка пониже: «Основан в 1890 году». Больше века служит стране и морю это гидрографическое сооружение. В его нутро мало кто заглядывал. Не только из числа приезжих отдыхающих, но и местных жителей. Маяк считался секретным объектом.

Вообще, Сочи в мои юные годы был городом, как я говорил, режимным. Даже мы, местные, понимали и принимали его строгости. Раз министерство обороны, значит вход всяким там гражданским лицам воспрещен, и мы только издали долго смотрели на маяк.

...Вернув лодку рыбаку и попав в обычный квартирный уют, я долго еще был среди морской стихии. Не отпускали и мысли о маяке. Не простые, с философским уклоном. Однажды, когда тиски всяческих запретов ослабели, уличная братва поднялась на башню маяка. Все здесь дышало историей. Время оставило рубцы на позеленевших стенах – следы пуль от набегов неведомых кавказских племен. Когда-то здесь бессонным фонарем была керосиновая лампа, теперь электрическая, мощностью в 1 киловатт. Интересны были всяческие подробности. К примеру, отчего свет маяка мерцает? А потому, что вокруг лампы крутятся черные шторы с просветами. Набегает просвет – через него за десятки километров виден огонек, пришла по кругу шторка – пропадает луч и для самых зорких глаз. До такого открытия я предполагал, что маячный фонарь сам по себе то вспыхивает, то гаснет.

У многих загадок простые ответы. Если сосредоточенно всмотреться, потрогать руками.

Смотритель маяка, похожий на старого морского волка с разных книжных иллюстраций, заметно скучал по общению. Он охотно повел нас в минувшее. Маяк спроектировала и построила какая-то французская фирма. Еще в середине прошлого века сочинцы начали ее разыскивать – все впустую, фирма, видимо, лопнула. И, конечно, ее мастеров – маячников давно нет на белом свете. А маяк стоит и светит! Нужные людям вещи передаются от поколения к поколению и живут долго. Делай вывод, парнишка!

А смотритель еще такую деталь для размышления подкинул. Правда, с улыбкой. В штат маяка с незапамятных времен, кроме людей, вписана еще и лошадь. Где она? Только в штатном расписании, в реальности ее нет. Но все равно и с такой условной лошадей старик на башне не так скучно. Она, когда ему трудно, незримо помогает.

Легендарная лошадь с маяка в моем сознании незаметно слилась с книжной лошадей по кличке Росинант. Я тогда вздохнул читал Сервантеса и все больше влюблялся в образ Дон-Кихота. Хотелось быть таким же, как этот испанский дворянин, бесстрашным рыцарем на стороне правды и добра. Хотелось помогать бедным и обездоленным, найти свое имя в каком-нибудь штатном рыцарском расписании.

От ветряных мельниц Сервантеса ближе к современности меня уводили книги Горького. А потом мне подвернулась удача вжиться и в образ великого пролетарского писателя.

Власти города решили на пересечении двух главных улиц поставить памятник буревику революции. Скульптор предложил изваять его молодым, во весь немалый рост. Искали натурщика по школам. Я тогда был долговязым, мускулистым подростком. Выбор и пал на меня. Правда, скульптор позаимствовал для статуи только мой торс, но мальчишечья молва разнесла – Талику Игнатенко памятник поставили. Я не знал, куда деваться от насмешливой славы. Даже теперь жена Светлана Алексеевна, когда приезжаем в Сочи и набредаем на вписавшуюся в городской пейзаж каменную фигуру, не без юмора вопрошает: «И за что тебе памятник при жизни поставили?»

Помню жар волнения от творческого (так именовалось!) позирования, а затем необычное ощущение свалившегося на меня богатства: получил за торс гонорар. На все деньги купил маме туфли. Пусть щегольнет в новеньких, когда пойдет, как собиралась, на музыкальную комедию.

Я давно заметил, что каждый город имеет свою мелодию. Подчас ее непросто услышать, она возникает как бы сама собою... Можно прожить полжизни в каком-либо месте, и эта мелодия к тебе не пробьется. А может накрыть тебя сразу и навсегда. Есть города-вальсы, есть города-реквиемы, есть города-танго, города-марши... Наверное, Санкт-Петербург, вы согласитесь, – это целая симфония, и в архитектуре, и в стиле жизни, и в характерах самих питерцев... Или, к примеру, Нью-Йорк: ритм, стремление к облакам, нервная быстрая смена настроений, словом, что-то джазовое, от Каунта Бейси, Дюка Эллингтона... В моем городе навсегда поселилась песенная мелодия широкая, оптимистическая, жизнеутверждающая. Может быть, это шло от легендарного фильма «Веселые ребята», что снимался рядом, в Гагре. «Почти в Сочи», – уточняли мои земляки. Но то, что Дунаевский, Утесов звучали из каждого открытого окна по праздникам, да и по будням, помнят все горожане. Это ведь были только поначалу проказливые патефоны, а со временем – выше уровень! – рижские радиолы.

Притом и мы могли воочию наслаждаться, извините за стиль, искусством своих кумиров. Для этих целей всегда годились вечнозеленые насаждения, а точнее, кипарисы, что росли вокруг Летнего театра городского парка имени Фрунзе. Никто нас не гонял. Так было принято: курортники, родители восседали в зале, молодежь – на деревьях. Красота. Видно. Слышно. И все свои кругом.

И какое же это было наслаждение – концерты джазов Леонида Утесова, Эдди Рознера, Александра Блехмана, Рижского эстрадного оркестра с потрясающим пианистом Раймондом Паулсом... Да, да, с этим самым!

А какие были концерты – Алексей Алексеев, Олег Милявский, Борис Брунов, Гарри Гриневич... А еще – кому это мешало? С мая по конец октября в Сочи квартировал на гастролях Государственный симфонический оркестр Союза ССР. Каждый божий день в 20 часов он начинал свои концерты. Это было приношение городу потрясающей музыки. К комсомольскому возрасту мы были свидетелями воли и мощи лучших дирижеров, которые меняли друг друга в течение сезона: Хайкин, Мелик-Пашаев, Рождественский, Вероника Дударова, Мравинский, Кондрашин, Зандерлинг, Янсонс, Димитриади...

Господи, до сих пор помню!

А какие солисты!

Я приехал в Москву поступать в университет и не думал, что потом, на первом же курсе, буду поражать преподавателей своими знаниями классической музыки... Все было так естественно для меня. Только потом пришло осознание, что это большая по жизни удача, когда в твоём городе концентрируется столь значительный культурный потенциал.

Потому-то и юность протекла между спортом и музыкой. В 12–15 лет знакомый мне народ ломанулся в музыкальные школы, в Дом пионеров. Меня занесло в классный коллектив, где готовили духовые оркестры, выучили играть на трубе. (Потом я долго изводил соседей обязательными мелодиями: «Краковяк» и «Это чей там смех веселый»... Удивляюсь, как им хватило терпения. Ведь не Майлс Дэвис, не Дизи Гиллесли, не Армстронг...).

И когда Володя Цавва, старший из нас, получил приглашение в джаз Эдди Рознера (трубачом!), молодежь Сочи водила хороводы дня три...

Заканчивался курортный сезон, закрывались летние эстрады, до весны в городе начиналось царствие Зимнего театра. Каждый житель гордился этим дворцом. Ведь когда-то это была поистине народная стройка – весь город выходил на субботники. Все старались как можно скорее возвести это чудо.

Закрытый конкурс на проект театра в Сочи был объявлен в 1934-м. В нем участвовали архитектурные мастерские академика Ивана Жолтовского, академика Фомина, академика Владимира Щуко, а также молодой архитектор Константин Чернопятав. В августе 1934-го открылась выставка проектов по реконструкции курорта, где были представлены шесть вариантов будущего Зимнего. Все проекты рассматривались на самом высшем партийном и государственном уровне. Лучшим Секретариат ЦИК СССР признал работу К. Чернопятава.

Неоднократно вопросы о строительстве театра в Сочи рассматривались и в Политбюро ЦК ВКП(б), Сталин лично контролировал возведение Зимнего. «Особый интерес он проявил к Сочинскому театру. Возвращался неоднократно к этому вопросу во время нашего разговора, – докладывал уполномоченный ЦИК СССР в Сочинском районе Александр Метелев секретарю и члену президиума ЦИК Авелю Енукадзе 15 августа 1934 года. – Я понял, что постройку театра товарищ Сталин считает необходимым вести ускоренным темпом».

В руководстве считали, что в воздвигаемом у теплого моря субтропическом эдеме для рабочих и крестьян нужен был центр культурной жизни – величественный новый Парфенон в противовес старому театру, построенному в 1909-м на территории гостиницы «Кавказская Ревьера» и не соответствовавшему статусу социалистического «Города Солнца». Согласно преданию, в 1934 году на конкурсе эскизов Сталин, прохаживаясь мимо проектных стендов, выбрал проект молодого и никому не известного архитектора Константина Чернопятава. Следуя канонам древнегреческих зодчих, Чернопятав предложил на высоком утесе воздвигнуть грандиозное «святилище искусств» с коринфской колоннадой, статуями муз и коней, а еще с многоступенчатой лестницей, сбегавшей к морю.

Еще одним из создателей архитектурного шедевра по праву надо считать Александра Денисовича Метелева, уполномоченного ЦИК СССР по Сочи. Он до деталей, с чертежей изучил проект и знал в лицо чуть ли не каждого строителя. По свидетельствам моих родителей,

Александр Денисович отличался колоссальной энергией, обаянием, открытостью. Его очень любили все в городе.

Зимний строили в самый разгар политических репрессий. Сталин опасался за свою жизнь, хотя регулярно приезжал в Сочи на отдых. Поэтому меры безопасности в здании предусмотрены беспрецедентные. Специально для него сделали подземный выезд из театра. Прямо из ложи, что справа от сцены. Для первых лиц государства в здании соорудили бомбоубежище и подземный ход, а в потолке зрительного зала – окошки для наблюдений.

Александр Денисович Метелев не увидел открытие Зимнего театра 1 марта 1938 года. Был арестован как враг народа и в октябре тридцать седьмого – расстрелян...

После смерти Сталина А.Д. Метелев реабилитирован посмертно.

Вот такая грустная страница в истории Зимнего театра. Я всегда вспоминаю о ней, когда вижу это творение, ставшее памятником архитектуры.

Другой такой памятник был сооружен сразу после войны. Это Сочинский порт. Его и сегодня нельзя рассматривать в отрыве от здания Морвокзала. Это творение выдающегося архитектора Каро Алабяна и заслуженного строителя страны Георгия Пясецкого. Поразительно, но в то время начальника стройки Сталин назначал особым постановлением. Можно себе представить, какая ответственность легла на плечи молодого гидростроителя! Кстати, и место под строительство порта выбирал сам И. Сталин. Точнее сказать, не выбирал, а указал. «Здесь, в центре города, на месте рынка». Эту фразу «вождя народов» знал каждый взрослый человек от Адлера до Лазаревской – весь Сочинский регион. И я с детства был посвящен в то, что выбор этот был не обоснован и поэтому неудачен. Порт в нарушение всех законов гидротехники построен на мысу. Специалисты предлагали другое место – Хосту... Но кто мог спорить...

Георгий Яковлевич Пясецкий с блеском справился с задачей. Сегодня порт – это витрина города. И не его вина, что в здание морвокзала, памятник мирового значения, втюхали столичные магазины...

А еще семья Пясецких – и Стелла Семеновна, и их сын, мой друг и ровесник Дима, – сделали свой дом на улице Войкова, 32, самым ярким и хлебосольным во всем городе. Кто только здесь не бывал: Леонид Утесов, Марк Бернес, Юля Борисова, Юрий Левитан, Николай Рыкунин, Капа Лазаренко, Марк Фрадкин, Иосиф Прут...

После концертов они собирались на огонек у Г.Я. Пясецкого. Под утро все расходились отдыхать и лишь начальник стройки Пясецкий шел в порт. Это пятьсот метров по прямой от дома.

Впереди у него были другие тяжелые эпопеи – порты, каналы, мосты... Ушел из жизни Георгий Яковлевич заместителем министра морского флота СССР.

Во время подготовки к зимней Олимпиаде в Сочи порт пережил второе рождение. Но это уже было связано с именем другого замечательного человека – министра транспорта России Игоря Евгеньевича Левитина.

Как-то я давал интервью «Известиям», помню, журналистка Елена Овчаренко спросила: «Наверняка задумывались, кем могли бы стать?» Ответил: хотел быть дирижером. Когда-то в оркестре Дома пионеров я играл на трубе. С восторгом! И очень нравилось, как нами управлял опытный музыкант. Джазовый, кстати. Он нас, пионеров, такому джазу учил, что иные ресторанные «лабухи» могли, что называется, нервно в сторонке покуривать. Как только с нас галстуки в ту пору не посрывали!

Мама, раньше работавшая учительницей в той же школе, где учился и я, не особенно приветствовала музыкальный род моих занятий.

Придет время, говорил я всерьез дома, и вы увидите меня с дирижерской палочкой.

Город действительно был увлечен джазовой музыкой. Она, казалось, собирала в ряды своих служителей людей самых разных профессий. Многие мои друзья стали профессиональ-

ными музыкантами, другие играли в оркестрах для себя, для близких и знакомых. Как звучало в старой довоенной песне, после работы собирались в парках «мандолина, гитара и бас» ...

Глава 3

Твист Агеенко

Один мой друг, Тарас Агеенко, по утрам ел щи и шел гулять по набережной. Потом садился за ноты. Играл Агеенко долго и всласть и, только почувствовав, что саксофон становится теплым, словно свежий батон, позволял себе отдохнуть. Каждый день вот в такой час к нему заходила поворчать мать.

Полина Поликарповна, или просто Карповна, как звали ее соседки и друзья сына, была с «этой индейской музыкой» давно и категорически не в ладах. Раньше, собирая сына на работу, она готовила ему поношенную робу и краги, а сейчас подглаживает галстуки и праздничные рубашки. «Это ж что за работа такая, жаловалась – она соседкам, – ходит куда-то в черной паре при галстуке. Гулянки, а не работа».

Недавно Тарас Агеенко стал руководителем джаза в «Волне» ресторане не то чтобы лучшим на Кавказском побережье, но модном. Между тем по образованию он был строителем и три года в качестве прораба строил дома, санатории, причалы. И в управлениях, и в бригадах ценили в нем профессионала, человека современного. И если кому из строителей случалось встретить Агеенко с кипой нот и саксофоном под мышкой, особого значения этому не придавали: мало ли чем занимается человек после смены. Пожалуй, только Федор Михайлович Громов, пожилой прораб с соседнего участка, с которым Агеенко подружился, считал его увлечение делом зряшным.

– Как ты можешь столько времени на всякие польки-бабочки тратить? – выговаривал он Тарасу.

Ну зачем же только на польки-бабочки, – улыбался Тарас, – я «Твист эгейн» тоже знаю.

«Твист эгейн» еще больше засмущал Федора Михайловича, он, по правде говоря, смутно представлял себе, что это такое.

Агеенко после работы бывал в местном музыкальном училище, где уже давно складывался неплохой оркестр. Между собой музыканты были в большой дружбе и всякий вечер собирались вместе поиграть, послушать новые записи, поболтать о джазе. Директор училища позволял им репетировать в одном из классов и вслух замечал: «Научить людей хорошей музыке не легче, чем дом построить».

Он уверял, что рабочая площадка для хорошего джаза всегда найдется. И, очевидно, с его подачи в городском управлении культуры ребятам предложили: «Будете играть на самом трудном участке культурного фронта – в ресторане».

– Прораб Агеенко – руководитель джаза в ресторане «Волна»?! – удивился прораб Громов. – Дожили! Строителю надо строить, а не на дудке играть! – И продолжил гнуть свое: – Народу что нужно? Жилье, больницы, школы. Музыка потом.

– Вот в том-то и дело, что не потом! – отвечал Агеенко. – Танцуй, пока молодой!

Громов хмуро качал головой, а Агеенко, как он позже признался, вдруг вспомнил слова директора училища: «Научить людей хорошей музыке не легче, чем дом построить...»

А в ресторане... Тарас замечал, как настороженно зал слушает новый оркестр, словно силясь понять: чего это вдруг джазисты так стараются, платить, что ли, больше стали, или так? «Армстронг? Пожалуйста, сыграем «Сент-Луиз блюз», «Андрей Петров? Слушайте песню из кинофильма «Путь к причалу»».

У Тараса действительно в груди таился голос, он стал неплохо петь с эстрады.

Чаше всего пел «Твист эгейн». И как бы смотрел на себя со стороны. И этот поющий Агеенко ему нравился. На сцене стоял парень, полный надежд и жизни. Он видел, что от его музыки в зале зажигаются улыбки. Он много привнес своего в эту знаменитую песню. Это

был уже «Твист Агеенко». Это была песня для тех студентов и рабочих парней, что мечтали о лучшей доле и начали приходить в ресторан только «на Агеенко».

Но все ж это была мелодия с чужого плеча.

Тарас стал задумываться о своей песне. Он собирал ее по звукам, по ноткам, которые рождались от увиденного и пережитого в жизни, превращаясь в сильную джазовую мелодию.

Получилась нежная, немного грустная песня о женщине; в молчаливые одинокие ночи она ждет с моря сына, приходит к маяку и подолгу всматривается, не покажется ли на горизонте корабль. Вспоминает мелодии, которые сын увез с собой и которые теперь возвращает ветер. Все в ней – любовь.

Когда он пел эту песню, то неизменно чувствовал, что слова падают в необычную тишину зала, что люди слушают с пониманием. Это была хорошая песня. Это была «Карповна».

Как-то Агеенко вдруг увидел за дальним столиком прораба Громова. В перерыве тот подошел к возбужденным успехом музыкантам, спросил Тараса:

– О ком песня?

– Думал о своей матери, о Карповне.

– Да! Я тоже сейчас о своей думал.

«Карповна» быстро стала популярной песней в городе. Пели ее повсюду, и, конечно, она не могла миновать ушей матери Тараса.

«Сынок... обо мне песню сложил».

И, говорят, Полина Поликарповна тихо заплакала.

...Маленький город отличается от большого тем, что в большом можно многое увидеть, а в маленьком больше услышать.

Я радовался, что фамилия Агеенко стала почти нарицательной. Вдруг открылось для меня – она-то была созвучна слову «again», знаменитому шлягеру Элвиса Пресли «Твист эгейн». А для меня это была всего навсего фамилия друга.

Не мной замечено, что есть фамилии говорящие. Иногда они ставят своего обладателя в неловкое положение. По паспорту человек Легкий, а на весах он 130 кило. Смешно такого на боксерский ринг выпускать в категории сверхтяжеловеса.

Были такие бакинские конферансье Какалов и Кукуй. В филармониях их не знали. Но опытный худрук филармонии, поглядев на афишу заезжих артистов, всегда говорил: «Не ведаю, что вы за таланты, но фамилии у вас кассовые...»

На военных сборах в знаменитых Гороховецких лагерях у нас, студентов-гуманитариев, начальником был полковник Скуйбеда. Внушительный, всегда со строго сдвинутыми к носу бровями. Естественно, я недолго примеривал его фамилию к ситуации. Получилось. Вместо буквы «к» я поставил букву «х». Журфак одобрил. И беда в человеческом облике оказалась не столь большая, не столь страшная. Полковник гляделся уже совсем не грозно.

А вот с одной говорящей фамилией с детства я был не в ладах. Читать меня научили рано, до школы. И не стало большей забавы, чем гуляя с мамой по городу, читать все, что попадалось на глаза: вывески магазинов, парикмахерских, афиши... Часто путь наш лежал к музыкальной школе, это место называлось «На подъеме» и славилось непревзойденной до сих пор шашлычной. Но, понятно, в те мои дошкольные годы не этот объект общепита меня привлекал. Я тянулся к загадочным строкам скромного объявления: «Доктор Гигиенишвили. Сексуальные расстройства».

Однажды с вопросом я пристал к отцу. «Что это значит? Надо у него учиться мыть руки?» Он долго беззвучно шевелил губами, потом все-таки объяснил, покрутив пальцем у виска, мол, эти расстройства нечто мозговое. (Стоит ли говорить, что в зрелом возрасте я понял, как папа был близок к истине.) Но тогда ему, недавнему кавалеристу, было не до Фрейда или его последователей.

Я успокоился. И только потом на меня обрушилась информация, круто изменившая мое представление о сложных болезнях, медицине и докторе Гигиенишвили в частности.

Вернусь к дирижерству... В ту пору джазовая музыка и бардовская песня разрушали заскорузлость идеологических догм, раскрепощали сознание молодежи. Они подняли до всенародной популярности романтику Булата Окуджавы, стали предтечей создания прекрасного и яростного мира Владимира Высоцкого. Но лично мною музыкальная стезя была не очень-то выстрадаана. Поэтому не пошел по ней.

А бывает, поставит кто-то к стене лестницу еще в юности и десятилетиями ступенька за ступенькой поднимается ввысь. Доходит до самого верха и обнаруживает: лестница-то поставлена не у той стены!

Обманывались часто и мы, будущие шестидесятники. Об этом речь впереди.

Никаким дирижером я не стал из-за газеты. Не той, с миллионными тиражами – «Комсомольской правды», а нашей городской «Черноморской здравницы».

Я окончил свою железнодорожную школу. Хорошо в ней шел по литературе, мои сочинения направляли даже для участия во Всекубанской олимпиаде. Правда, там конкурс был велик, и призов мне не присуждали. Но наш историк говорил: «На главной магистрали «зеленый» тебе открыт. Ты только поддай пару». И я постарался.

Редакция «Черноморки» заказала заметку о нашем выпускном вечере. Я написал ее сразу после прощального танца под музыку «Давно, друзья веселые...». В заметке поклялся от имени всех выпускников, что никогда не забудем родную школу и ничего в жизни не растеряем из юношеских надежд.

«Клятву» напечатали. Без единой правки! Ликованию моему не было предела.

Застекленные витрины с «Черноморской здравницей» стояли на всех городских площадях, у центральных магазинов, кинотеатров и санаториев. Их читали умные прохожие и образованные отдыхающие со всего Союза. А мою заметку, мне казалось, они читали, заглядывая даже через плечо друг друга.

Буду журналистом! Кем же мне теперь еще быть!

На выпускном нам говорили: «Вы вступаете во взрослую жизнь». Для меня она начиналась с триумфа. Так представлялось и другому выпускнику Сочинской школы.

Глава 4 «Поклянись матерью»

Гурам Марусидзе шел с выпускного вечера, полный радости, что школа, будь она неладна, позади. Гордость тоже вспыхивала, но только когда вспоминались напутствия педагогов школы: «Вы уходите в большую взрослую жизнь...»

«Как хорошо в этой взрослой жизни, – думал Гурам, – можно поехать к родичам в Зугдиди, курить, устроиться на работу, даже пригласить дядю Жору в хинкальную...»

Дядя Жора был на два года старше Гурама. Он стоял на самом видном месте вокзальной площади со своим приятелем Славиком-товароведом из лесопилосклада. Возле них крутился еще один родственник Гурама, по зугдидской линии, но в отдалении, в уважительной позе, выражавшей готовность на все. В этот момент Гурам и вышел на дядю Жору.

– Эй, бичико, – окликнул его дядя Жора. – Как дела, к друзьям идешь или как?

– Или как, – ответил Гурам. – Школу вот окончил, – добавил, чтобы понял дядя Жора: племянник уже шагает во взрослую жизнь. Первые метры пути.

– А как оценки? – Дядя Жора уже который год числился в девятом классе вечерне-заочной школы. По правде сказать, больше заочной.

– Оценки приличные.

– Пятерки есть?

– По ботанике.

– Очень хорошо. Ботаники городу Сочи нужны.

Неожиданно дядя Жора взгляделся в племянника, затем перекинулся несколькими словами со Славиком-лесоторговцем и торжественно произнес:

– Я тебе, дорогой Гурам, в честь окончания школы хочу подарить машину. Отличную «копейку». Видишь, в тенечке стоит.

Гурам онемел. «Вот она, взрослая жизнь, – пронеслось в голове. – И это только начало».

– Ты ведь можешь водить? Вот ключи. Вон машина. Рули домой, там в сарае брезент. Накрой, чтоб краска не выгорала, права потом устрою. Будешь ездить.

Гурам вскочил в «копейку» и помчался. Надо ли говорить, какой восторг двигал парнем. Школа позади, аттестат в кармане, машина в подарок!

Но дома разразился скандал. Отец орал так, что куры преждевременно снесли яйца. «Какой подарок?! Какая машина?! Что Жора?! Жора аферист! Сядешь за решетку с пятеркой по ботанике!»

Отец как в воду глядел. Утром нагрянул оперуполномоченный Николай Николаевич Брагин из отдела по делам несовершеннолетних. На «уазике» милиции прикатил.

– Будем разбираться, – угрюмо оповестил он притихших родителей, – а пока гражданин Марусидзе Гурам арестован, или, если юридически описать, задержан.

Притихшего Гурама повезли в отделение. Старожилы околотка с интересом наблюдали, как знакомого всем молодого грузина препровождали в Пластунское РОВД.

Слухам и догадкам по этому поводу не было конца.

А оперуполномоченный Брагин положил перед собой лист бумаги из тетради в клеточку и грозно задал первый вопрос:

– Фамилия?

– Чья? удивился Гурам. С дядей Колей Брагиным, расположившимся за казенным столом, он был знаком с детства по причине своего, мягко говоря, шаловливого характера.

– Я что, по-китайски спрашиваю чья... Твоя! Это же протокол. Серьезное дело. Угон. Уголовка. Пять лет, общий режим.

– Фамилия Марусидзе, – наконец выдавил из себя ошарашенный выпускник школы номер 10 города Сочи.

– Расскажи, Марусидзе, кто готовил угон? Назови сообщников...

Гурам вслух стал припоминать, как было дело. Не угнал – подарили. Не сообщники, а дядя с другом. Машину держит во дворе. Ее номер СОЧ-34-22. «Копейка».

Теперь заудивлялся оперуполномоченный Брагин. Станный какой-то угон... Ну, ладно, продолжим.

– Ты грузин?

Вопрос очень удивил. Кто этого не знал. Пластунка – вся грузинская.

– Грузин.

– Поклянись матерью, что не угонял машину.

– Клянусь.

– Допрос окончен. Иди домой.

Только выйдя из отделения милиции, Гурам понял, что угон-то был. Просто дядя Жора и его дружан не умели водить машину. А тут Гурам подвернулся.

...Приезжая в Сочи, я не упускаю возможности повидаться с Гурамом. И со всеми другими одноклассниками и друзьями.

Я думаю о былых временах с теплотой и грустью. Помню, можно было на иных улицах зайти на ночь глядя в любой дом, любую квартиру, и тебя, совершенно незнакомого, хозяева постараются накормить, обласкать. Здесь не поклонялись замкам и заборам. Случай «с подарком» был анекдотичным исключением. Угон и состоялся потому, что люди доверяли друг другу. И детей своих приучали к правдивости. Честное слово было гарантией не только искренности отношений, но и истинности поступков. Под честное слово без всяких расписок брали в долг немалые деньги. Это «Поклянись мамой» в устах следователя говорило о многом. И прежде всего о нерушимости и святости устоявшихся норм. Отступники от них были презренней казенных преступников.

Мы, конечно, знали, что были среди нас ребята отчаянные, легкие на розыгрыш, на всякие одурачивания приезжих, курортников. Как, к примеру, зарабатывали на мороженое? 19 копеек – пломбир... Парнишка лет тринадцати предлагал бросить монету в море, прямо с Южного мола. Глубоко, непросто узреть монетку на дне. И вот летит ласточкой мой приятель, долго пропадает где-то там в пучине под водой... Потом, вынырнув, показывает монету и получает приз – на мороженое. С детства мы знали этот простой секрет успеха. У парнишки за щекой всегда была монетка, и ничего со дна он не доставал... Фокус этот мог проделать любой, не только из нашего сочинского восьмого «Б» класса или из параллельного класса. Его знали все мои сверстники по побережью от Батуми до Одессы.

Замечу, что через много-много лет мы со Светланой сидели за кофе на том самом молу, где когда-то школьники ныряли за монеткой.

Вдруг к нам подошел малец, загорелый, спортивный, ладный:

– Дядечка, бросайте металлический рубль на дно. Я достану. А вы мне мороженое купите. Я был потрясен. Фокус наш живет и процветает! Мороженое, правда, стало дороже.

Нам были знакомы не только фокусы с монеткой, но все повадки ребятни портового городка. Так мы были и великими модниками. У каждого – пара настоящих матросских брюк клеш, у каждого фуражка-мичманка. Мы покупали фуражки с белым кантом, а потом перешивали козырек сами, чтобы он смотрел круто вниз. Широкие и плоские ширпотребовские козырьки никуда не годились, их презрительно называли «аэродромами».

Однако перелицовывая козырьки своих мичманок, мы не собирались посвящать «параду» половину жизни. В этом все дело. Мы торопились дальше. И хотя мы могли запросто загорланить в самом неподходящем месте: «Где море Черное, песок и пляж, там жизнь привольная чарует нас», мы знали: это только на минуту. Навсегда же, если излагать высоким

слогом то, что держали в уме, – ответственность перед домом, перед родителями, перед вставшей из руин страной. Мы спешили отдать долги. Мы не из-под палки старались вымыть и выскоблить пол, пока мама на работе. В школе любили разобрать, вычистить и собрать затвор у винтовки. За партой с одним из нас сидел одноклассник Игорь. Ему, мальчонке лет восьми, за ратные подвиги вручили медаль «За оборону Сталинграда». Боевой медалью Игорька наградили за то, что таскал в солдатские окопы бачки с чаем, почту...

Тихую скромную жизнь тогдашнего Сочи можно назвать провинциальной, даже патриархальной. А можно и обогнавшей время. По крайней мере – мое. Вся атмосфера этого города у теплого моря, независимого и открытого, доверчивого и гостеприимного, наложила отпечаток на мой характер, отношение к миру, навсегда определила понятия честности и дружества.

Никто не заменит друзей детства, ровесников и других, как говорится, ребят с нашего двора. Для них я до седых волос Талик, Виталик, Виталька, а для меня эти ребята навсегда Женя, Алла, товарищ Алик Сафаров, Габро, Володя, Додс, Игорь, Рита...

Они не стали большими начальниками.

Они стали большими людьми.

Думаю, это важнее чинов и званий. У них дружные семьи. Неистребим дух добропорядочности, непоколебимо сострадание к чужим горестям, а человеческие достоинство и совесть первостепенны. По жизни они врачи, строители, учителя, военные. Есть просто бабушки, просто дедушки.

Вот и Марусидзе Гурам Арсенович. Он уважаемый в городе человек, строитель, владелец гостиницы. Он весь и во всем давно сочинский. Дважды или уже трижды просто дедушка, а один раз невестка родила сразу четверых. Попал в Книгу рекордов Гиннеса...

Глава 5

Влюбленный адмирал

С теннисом я связал свою жизнь в ранние годы. Как-то в 90-е ироничная журналистка в телеинтервью спросила: «Ну а теннисом вы занялись, наверное, как все, при Ельцине?» «Нет, – ответил я, – при Сталине».

Сначала в сочинском парке «Ривьера» мальчишкой подавал мячи. Потом уже с ракеткой в руках перешел на теннисные площадки к тренеру Раисе Селуяновой.

Все в теннисе нравилось. Даже проигрывать. Правда, не всякому сопернику. Школьником играл со взрослыми – в жизни людьми серьезными, а на кортах веселыми и остроумными до озорства. Ни разу не играл в званых турнирах, на которых бывает много всякого высокопоставленного начальства. На них обязательно кто-нибудь кому-нибудь подыгрывает, ведет себя неспортивно. Я же предпочитаю, чтобы в игре сохранялся мальчишеский азарт, безоглядность. Но однажды с большим начальником все же сыграл – с премьер-министром Японии. Конечно, при некоторых своих ударах ракеткой не уходил от понимания ответственности и целесообразности момента. Помнил я и про Курилы. Не раздражал поэтому партнера. Премьер, кстати, оказался неплохим теннисистом.

Партнеры менялись. С годами появлялись постоянные. Многие из них превращались в друзей, да еще каких.

Не припомню никак, когда на моем теннисном горизонте появился адмирал Ярослав Максимович Куделькин. Давно это было. Сам я не мог предложить ему играть со мной – разница в годах, в социальном положении. Я – начинающий журналист. Он – адмирал. Должно быть, он меня пригласил. Но одно точно – чаще всего встречались мы в Сочи. Он очень подходил для нашего города. Броский, праздничный был человек, любвеобильный, рискованный, понимавший шутку над собой и сам готовый к товарищескому розыгрышу.

Как-то я оказался командированным в Баку. Куделькин в это время занимал пост командующего Краснознаменной Каспийской флотилией со штабом в столице Азербайджана. Мы с ним тогда сразились. Ярослав Максимович играл прекрасно. Его тренировал сам Сергей Лихачев, известный наш теннисист, чемпион Союза. Но госпожа удача, очевидно, решила мне помочь. Я вел игру на равных. Больше того, при счете 5:5 на моей подаче у меня появились шансы на победу. Вдруг сыграли тревогу, и адмиралу потребовалось немедленно убыть в расположение штаба. Как мне обидно было. Мы играли при зрителях – и победный по игре для меня матч оказался сорванным! А потом прошел слух, что для такой тревоги не было повода, то есть военной необходимости. Кто бы это мог столь остроумно сочинить концовку партии?

Я подробнее расскажу о Славе Куделькине именно в этой главе, где речь идет в основном о Сочи, потому что в адмирале, повторяю, было много как раз сочинского замеса – яркости, легкости, жизнелюбия. Вот на ваш суд небольшое воспоминание о моем друге, занесенное в рабочий блокнот.

...Свою жену адмирал Куделькин нашел недалеко от Красноводска. Он был невероятно обаятелен. А если уточнить, то мужественно красив. Весь в белом, загорелый, на погонах звезды, глаза голубые, по правую руку всегда создание молодое, незнакомое. Впрочем, по левую руку – тоже. Незнакомое и молодое. Таким он помнится всегда. И когда служил на ТОФе (Тихоокеанский флот), и когда был на Северном флоте, и когда командовал Краснознаменной Каспийской флотилией.

Почему я запомнил его в белом? Никому так, как моему другу, не соответствовала фамилия, имя, отчество: Ярослав Максимович Куделькин. Никому другому так не шла парадная летняя адмиральская форма.

Мы всегда уговаривались, чтобы отпуска хоть как-то пересекались. Страсть к теннису – и моя, и Славы – диктовала нам сроки отпусков. Играли мы пару. Молодой красавец адмирал собирал обычно толпу юных болельщиц. (Большая загадка, где он их находил... Не в военных же гарнизонах!)

Ходили слухи, что рейсовые самолеты «Аэрофлота», доставлявшие Я.М. Куделькина в Сочи, возвращались обратно без стюардесс.

Каждый удар адмирала на корте восторженно встречался поклонницами.

Разумеется, я только портил игру.

Так продолжалось дней десять. Потом адмирал исчезал.

Время суровое. Маневры.

Правда, мне рассказывали, что видели его как раз в это время где-то в Ялте, Дубултах, Сухуми... Стюардессы пару дней мыкались у кортов парка «Ривьера». Потом, наверное, возвращались к грозному товарищу «Аэрофлоту» объяснять прогулы...

И вдруг на Ярослава Максимовича снизошла неземная (в полном смысле слова) любовь. Дело было в пустыне. Командующий Краснознаменной Каспийской флотилией (ККФ) вице-адмирал Куделькин проверял Красноводскую базу (или что-то в этом роде). В свободную минуту он решил определиться на местности. Вокруг лежала пустыня, далеко, долго. Адмирал был, как всегда, весь в белом. Соколиный его взгляд узрел вдруг нечто молодое и, естественно, незнакомое. Ему показалось (мираж), словно это молодое-незнакомое что-то ловит.

Приблизившись, Ярослав Максимович уяснил, что это явно не змеелов. А натурально Люда, Людочка.

Осталось адмиралу определить, окончила ли она школу. Оценки успеваемости его не интересовали.

Надо ли говорить, что бедная военная база в Красноводске все следующие две-три недели была подвергнута ежедневным проверкам, смотрам, марш-броскам, тотальным маневрам на суше и на море. Разумеется, во всех этих мероприятиях принимал участие лично командующий ККФ.

Удавалось влюбленному адмиралу, несмотря на повышенную боеготовность, выкраивать час-другой для личных дел. Судя по всему, и на этом фронте все удавалось, так как по окончании внезапных учений на военный пирс Красноводского порта прибыла Людочка с букетом цветов и родителями.

Катер командующего флотилией (флаги расцвечивания, оркестр) стоял у пирса. У парадного трапа Я.М. Куделькин, адмирал, вроде уже жених, но еще не муж. Оркестр грянул «Прощание славянки», без всякого намека, но эта русская семья – Людочка, папа, мама – в Туркмению уже не вернулась.

Все изложенные выше судьбоносные события развивались стремительно, бурно и в рамках закона. Поэтому я был срочно зван в Баку в качестве свидетеля на обряд бракосочетания.

В резиденции командующего, не во всем разобравшись с дороги, я начал поздравлять с законным браком миловидную женщину лет сорока.

– Я – мама, – улыбнулась она.

– Это теща, – уточнил Ярослав Максимович, командующий.

Бракосочетание происходило тут же, в резиденции, в Баиловском переулке. Работники ЗАГСа – все в лентах, в гербах Азербайджанской Республики. Почему здесь, в резиденции, а не в ЗАГСе? Родителям и близким объяснили: брак адмирала – военная тайна. Торжественно засвидетельствовали брак моего друга и прелестной Людочки.

Прожили они вместе недолго, но счастливо. Родилась дочь.

Слава еще служил – перевели на Дальний Восток, потом в Питер. Затем развод, тоска.

Частые звонки, просто поговорить.

Редкие – редкие с просьбой.

Он не мог без морской работы, риска, кораблей, морского братства, изнурительных походов за тридевять земель...

Без легенд, что шли за ним – волна за волной...

Одна легенда помнится до сих пор. Ярослав Максимович командовал походом кораблей в Гавану. Холодная война. Куба в блокаде. Прошли отрядом североморцев вдоль американского побережья. И вдруг в центре нью-йоркской бухты всплывает буй гигантского размера. На нем русские буквы: «Привет от моряков Северного флота!» Как он туда, этот буй, попал, до сих пор идут споры. Скандал был колоссальный. По легенде главком ВМФ Горшков спас Я.М. Куделькина от больших неприятностей. Потом, правда, вручили орден.

...И вот звонок: «Попроси Гидасова (первый секретарь Ленинградского горкома КПСС), может быть, он порекомендует меня куда-нибудь».

Конечно, я бросился звонить в Ленинград. Гидаспов знал, что я из ЦК КПСС. Тогда как-то было принято на небольшие просьбы откликаться. Борис Вениаминович принял адмирала, помог с работой, выручил. Спасибо ему.

Ярослав Максимович умер в 1999 году. Прощальный военный салют не прозвучал: хоронили-то директора гостиницы.

У могилы стояли бывшие сослуживцы адмирала, Мария Борисовна «Мальборо», жена друга с Северного флота, Сережа Лихачев из Баку, теннисный гений, женщины, девушки, девушки... Некоторые из них, по-моему, были его детьми.

Признаюсь, Ярослав Максимович здесь представлен не во всей красе. Я и не попытался показать его в море, коснуться флотоводческого аспекта. Запись эта из давних времен, когда мне так виделись друзья. Тогда считалось обязательным для журналиста раскрывать суть человека в работе. И если уж обрисовывать его личную жизнь, то непременно в розовых тонах. Так что записки замышлялись для себя... Ведь о Ярославе Куделькине написано много и без меня. Вот воспоминание ветерана Военно-морского флота Алексея Михайлова. Здесь штрихи, редкие в деятельности звездоносных военачальников.

«Штаб Тихоокеанского флота возглавил вице-адмирал Куделькин Ярослав Максимович, командовавший до этого Каспийской флотилией.

Знакомство с флотом он начал с дивизии. Осмотрел атомоходы, побывал на береговой базе и побеседовал с офицерами штаба соединения. После этого его и офицеров штаба флота пригласили на обед в кают-компанию дивизии. Прежде чем приступить к обеду, Ярослав Максимович спросил начальника продслужбы береговой базы, на чем жарят курицу, предложенную на обед. Майор С. разъяснил, что жарят на комбижире. Это вызвало негативную реакцию начштаба ТОФа.

Оказывается, он написал две книги: «Правила приготовления пищи на надводном корабле» и «Правила приготовления пищи на подводных лодках».

Мастер спорта по теннису, он всячески поддерживал работу спортивных клубов, часто выходил на яхте в море. Многие офицеры тоже увлекались парусным спортом. Без участия адмирала Куделькина этих положительных перемен не было бы.

Куделькин, конечно, от «кудели». Она, по словарям, сердцевина веретена; куделить значит вертеться, крутиться, гулять, резвиться. К людям подходит. С виду такие и есть сочинцы постоянные, сочинцы временные, то есть залетающие в город отдохнуть, вроде Ярослава Максимовича. Но это не жуиры, не прожигатели жизни. Они натуры разносторонне одаренные. Их стержень хорошо обозначил сам адмирал. За ним числится такой афоризм: «Товарищи офицеры, послушайте мой совет: чтобы ничего не делать, надо уметь делать все».

Глава 6

Прощай и здравствуй

В 1958-м я с аттестатом зрелости на руках покинул родной Сочи.

Вагончик тронется, вокзал останется. В этом непреложном факте и надежда, и грусть. Надежды потихоньку сбывались, а грусть не проходила. Когда долго не бывал в Сочи, он начинал снится: виноградники террасками по скалам или железнодорожная школа, кусочек пляжа, запах моря... Как пел Утесов: «Есть воздух, который я в детстве вдохнул, и вдоволь не мог надышаться».

В первое московское время сильно скучал.

Малую родину любишь безотчетно, преданно. Конечно, Сочи – горы, морской простор, веселые пляжи, ощущение праздника. Замечательно. Но те, кто здесь живет, на себе не часто испытывают прелести купального сезона, не наблюдают волшебных картин, как «утомленное солнце нежно с морем» прощается. В парк «Ривьера» им некогда ходить. Сочинцы всех поколений были и есть великие труженики, занятые всегда делом по горло.

В этом городе всю жизнь, с тридцатых годов прошлого века, работали мои родители. Там они нашли вечное упокоение.

Пока в этих воспоминаниях я их только упоминал. Расскажу чуть больше.

Отец мой был кадровым военным, воевал в коннице Семена Михайловича Буденного. В честь своего командарма отец назвал сына-первенца Семеном. Потом отца послали на борьбу с басмачеством. Там у него был закадычный друг, который красным командиром погиб в бою с басмачами. Второго своего сына, то есть меня, отец и пытался назвать именем этого героя Куздазар. Я пишу «пытался», ибо запротивилась мама: «Как же мы будем мальчика называть дома?» – «Кузя», – шел на компромисс отец. Но со временем мама уговорила назвать меня Виталием.

Правда, и сегодня моя жена Светочка нет-нет, да и назовет меня Кузей. Мне нравится...

В 1941 году мама добилась – она была директором школы – начать учебный год 1 сентября, как и до войны. В эту же школу определили и брата Семена. Он пошел в третий класс. Я, четырехмесячный горлопан, тоже находился в этой школе, в учительской, в люльке. Некуда меня было деть. Да и Сеня был у матери на глазах. Это важное обстоятельство. Ведь ее десятилетнего сына уже задерживали на железнодорожной станции Сочи при попытке уехать на фронт!

Отца назначили в истребительный батальон оборонять горные перевалы, пути, ведущие к Туапсе и Сочи.

Жителей города в массовом порядке не эвакуировали. Была уверенность: Сочи не сдадут. Отцовский отряд располагался на перевале к северу от города, ближе к Туапсе. Знал бы генштаб армии рейха, что город, битком набитый ранеными, защищает один батальон!

Фашистов на Туапсинском направлении за перевал не пустили.

Отец за эту военную операцию получил орден Боевого Красного Знамени...

Первые послевоенные годы я хоть и смутно, но помню. Когда мы, ребяташки, бегали купаться, то видели на пляжах, как сотни раненых бойцов опускали в морской прибой изуродованные ноги, культы... Все знали, что морская вода целебна. Утром побережье становилось белым от бинтов, их санитарки сушили после стирки в море. И мы видели, как прибрежные волны становились розоватыми от сукровицы.

Уже потом-потом, по направлению горкома комсомола многих ребят, кто имел высокие показатели в плавании (I или II разряд), направляли на санаторные и городские пляжи матросами спасателями. Нам с Аликом из 2-й школы, соседом, другом, брассистом (я плавал вольным стилем), поручили кусок пляжа санатория Совета Министров СССР «Сочи». Большое

доверие. В санатории могли отдыхать лица, приближенные к правительству, никак не меньше. Мы заполняли многостраничные анкеты, данные которых бдительно проверяли. А может быть, и нет.

Мой друг и учитель Виктор Михайлович Дюнин, заполняя анкету ТАСС, в графе «Имеется ли государственные награды?» написал: «Имею. Обедал в столовой ЦК КПСС». И, знаете, прокатило!

Так вот, к спасателям. Товарищ Алик Сафаров носил огромную соломенную шляпу, чтобы плавки не выгорали... В его распоряжении был ялик – лодчонка, вечно привязанная к буйку.

Сон в ялике в тихую погоду для меня до сих пор кажется слаще любого на свете.

Другое дело шторм. Почему-то у отдыхающих он всегда вызывал взлет сил молодецких. И стар (большинство) и млад (наши погодки) норовили схлестнуться с крутой волной, поднырнуть, переиграть стихию. Подчас удаль умножалась стаканчиком «Мукузани», «Ахашени» или чем-либо посолиднее.

Вот тогда и наступал для нас час героических подвигов. Мы ходили по кромке прибоя и ломкими голосами уговаривали храбрецов вернуться на берег. Об этом же бубнил громкоговоритель пляжа.

Серьезный контингент отдохавших в санатории Совмина «Сочи», как правило, и бровью не вел.

Ой до поры, ой до времени.

Крики «тону!» или просто долгое «а-а-а!» нам с товарищем Сафаровым слышать в том сезоне приходилось не раз. И вмешиваться в ситуацию тоже. Алику чаще, мне однажды.

За это полагалось представлять к награждению медалью «За спасение утопающих».

Кто не видел этой медали (в первичном исполнении), тот многого лишился. В представлении о спасении художников лицевая сторона медали являла картину не для слабонервных. Там мужик с открытым ртом и вздернутой рукой реально кричит. То ли взывает о помощи, то ли посылает куда-то матроса-спасателя...

Медаль, к сожалению, сегодня редкость. Я думаю, ее изменили из-за этой леденящей душу картины спасаемого.

...А если вернуться к заслугам города Сочи... Есть ли еще прецедент, чтобы город становился огромным военным госпиталем? Пожалуй, и нет.

Я считал несправедливым, что Сочи не удостоен никаких воинских почестей.

Враг был остановлен в нескольких десятках километров от нашего города. За всю войну на Сочи было сброшено более 308 бомб – атаковались эшелоны Красного Креста. У порта рвались торпеды, пущенные с субмарин: целились в транспорты с ранеными. Мирный город, он всю войну был на передовой и вернул в строй около 500 тысяч тяжелораненых бойцов. Разве это не подвиг!

Почта еще долго приносила в Сочи необычные письма. На конверте не было точного адреса, стояли лишь фамилии. Подчас не было и фамилий, а только имена и отчества. Но письма находили адресатов. Это письма хирургам и медсестрам, которые работали во время войны в сочинских госпиталях. Правда, иных уж не было – тяжелые недуги свели в ранние могилы блестящих военврачей Агапова, Чебрикова, Бантева, Ашмарина. Но письма им продолжали идти, поскольку остались жить спасенные ими когда-то люди – бойцы с Тамани и Малой земли, из Сталинграда и с Курской дуги... Другие все так же скромно врачевали и пеклись о здоровье тысяч отдыхающих на курорте, подчас в тех же зданиях, где во время войны они неделями не отходили от операционных столов.

Мне непросто рассказывать о них, бывших военврачах сочинских госпиталей. С одними когда-то я жил на одной улице, и они до сих пор остались для меня «тетей Лялей» или «дядей Володей», другие бывали в нашем доме, а в праздники приходили к нам при орденах и меда-

лях, и мне, помнящему лишь день Победы, не знавшему войны, было в их компании всегда волнительно, потому я держался строго. Конечно, в таком дружеском застолье непременно заходил разговор «о тех годах», но, как водится, серьезное и трагическое всегда соседствовало с веселой южной байкой или умышленным приуменьшением заслуг присутствующих. Я всегда, так сказать, из первых уст знал, «как это было на войне» в небольшом курортном городе. Но это была лишь капля в море. «Комсомольская правда» при содействии партийных, комсомольских организаций города, редакции газеты «Черноморская здравница» получила, пожалуй, самое большое собрание документов и воспоминаний о Сочи периода Великой Отечественной войны. Пусть мои земляки, те, кто у постели тяжелораненых солдат провели тысячу четыреста восемнадцать военных суток, сами расскажут о себе и своих товарищах. Это огромный том, прочтя который понимаешь, какой ценой удалось вырвать из лап смерти, вылечить, поставить на ноги полмиллиона раненых. Подчас они сухи и бесстрастны, эти воспоминания и документы, но прошу поверить на слово: написаны они людьми с большим и горячим сердцем, людьми открытыми, добрыми и потому скромными.

...Рано утром 5 августа 1941 года в Сочинском горкоме партии собрались работники горисполкома, врачи, секретари парткомов санаториев. С минуты на минуту в город должен был прибыть первый эшелон с ранеными. И те, кто пришел на совещание, говорили в основном, что санатории, а ныне госпитали с четырехзначными номерами готовы принять бойцов с поля боя. Правда, особого оптимизма не было, поскольку дел самых неотложных осталось еще непочатый край.

«Товарищи, которые думают, что если есть помещения и кровати, то сразу можно принимать раненых, глубоко ошибаются, – говорилось на совещании. – В санаториях надо немедленно оборудовать операционные, перевязочные, санпропускники, дезкамеры. Нет хирургического инструментария, бинтов, ваты, марли, медикаментов, не хватает посуды, белья...».

Немногим более месяца прошло с той поры, когда пришел приказ создать в Сочи крупную госпитальную базу. Где-то по забитой воинскими эшелонами железной дороге экспрессной скоростью шли, как стратегический груз, необходимые для военной хирургии инструменты, медикаменты. Конечно, не стоило ждать, что быстро доставят в город необходимую для госпиталей посуду, одеяла и прочую утварь. Потому, хотя никто никого не неволил, а только призывал, жители с окрестных улиц несли в госпитали кто ложку, кто вилку, кто подушку или ковер, кто кровать, на которой спал ушедший на войну сын.

Пионеры собирали по близким горам мох и набивали им матрацы, тысячи матрацев. Парни-комсомольцы мыли, скребли, таскали мебель, перестраивали палаты. Девушки штудировали медицинские книжки на курсах медсестер.

И вот приказ 5 августа принять первый эшелон. Эта честь была предоставлена бывшему санаторию «Кавказская Ривьера».

Совещание в горкоме партии подходило к концу, когда над городом появился фашистский самолет. Он долго кружил, примеривался, потом сбросил бомбу. Она упала в трехстах метрах от горкома, эта первая бомба, нацеленная на Сочи. А еще через час весь город вышел к центру города, на улицу Горького, по которой медленно, в тишине, шли машины с наскоро перевязанными тяжелоранеными бойцами. Им протягивали из заплаканной толпы немудреные подарки, какие-то гостинцы, цветы... Так вошла в город война.

Знаю, когда зайдет речь о войне, не каждый и дотошный историк помянет Сочи. Были Брест, Минск, Киев, Ржев, Москва, Ленинград, Курск, Сталинград, Ельня и Одесса... Были Свердловск. Тагил. Челябинск... Великие в бою, в труде города. А Сочи? Многие ли представляют, каким оказался фронт у его жителей, у его врачей...

Обожженных, раненных осколками мин и снарядов в лицо, грудь, лишившихся ноги или руки, воинов бережно перевозили в соответствующие госпитали. Начиналась круглосуточная работа всего медицинского персонала, чтобы вернуть к жизни, а лучше в строй защитников

Отечества. С первых же дней по 10–12 часов не отходили от операционных столов профессора Агеенко, Ашмарин, доценты Чебриков, Бантев – талантливые новаторы военной хирургии. Кто может подсчитать, скольким сотням раненых спас жизнь шестидесятилетний врач Н.И. Агапов?

«Санитарные поезда с ранеными героями Великой Отечественной войны прибывали в Сочи, как правило, ночью. Иногда два-три состава в сутки. На мою долю, как главного хирурга госпиталей ВЦСПС, доставались самые сложные и трудные операции. Приходилось ежедневно делать труднейшие операции в разных госпиталях, в разных условиях, до двадцати в сутки. Иногда казалось, что силы оставляли меня. Но раздавался телефонный звонок. Мне говорили: «Надо. Тяжелейший случай...» Я ехал...». Это свидетельство хирурга М. Галковского.

В октябре сорок первого в госпиталях ВЦСПС работало крайне мало специалистов. 88 врачей, 250 медицинских сестер, около 400 санитарок. К тому же не все медики были готовы к госпитальной работе. Им пришлось выкраивать час-другой на учебу и переподготовку. За полтора года около трех тысяч врачей и сестер заново переучились.

К 1944 году количество специалистов по военно-полевой хирургии в Сочи возросло в шесть раз. Если, по отчетам, за пять месяцев 1941 года было проведено 1325 хирургических операций, то только за первый квартал 1944 года – 2555.

Да, где-то рвались снаряды, горели танки, и военврачам казалось, что на передовой, в самом пекле войны, они нужней, чем здесь, в тыловых госпиталях. И каждый месяц добывались-таки повесток из военкомата, уходили на передовую хирурги, медсестры, санитарки. И город-госпиталь их отпускал, хотя каждый врач уже работал за двоих-троих. Военврачи и медсестры Гордон, Дьяков, Богдель, Балувев, Рац, Зорина, Логачева, Ватаян, Климашевская, Шор и десятки других становились на место ушедших и показывали чудеса выдержки и хирургического искусства. Я нашел такой документ:

«В эвакогоспитале № 2127 из раненных в грудную клетку в строй возвращены 76,2 процента воинов, уволено в кратковременный запас на выздоровление 22,3 процента, по инвалидности 1,3 процента. Выписка в часть терапевтических больных составила 73,8 процента. Сроки лечения сокращены в полтора-два раза по сравнению с нормативами Наркомздрава СССР».

В Сочи был свой, настоящий фронт. Это был фронт, на котором по-солдатски несли свою вахту военврачи. Никого в то время не могло удивить мужество хирурга Михаила Петровича Галковского, которого вносили в операционную на носилках, поскольку от нечеловеческой усталости его уже не держали ноги...

У военврача Елены Францевны Богдель ушел на фронт сын. Наутро после проводов ей сказали, что эшелон, в котором ехал сын на передовую, разбомбили. Все погибли. В каждом раненом Елене Францевне виделся ее сын, каждый стон был для военврача голосом сына. Не забыть бы ей, не остаться одной. Нужно быть бодрой и уверять бойцов, что все до свадьбы заживет, что «непременно выпишут скоро в часть бить фашистов...». И только в операционной она могла на несколько часов остаться без марлевой маски, подруги видели ее лицо, скорбное, потерянное. И вдруг: «Вашего сына в эшелоне привезли. Ранен...» Не бросилась, не стала отпрашиваться от дежурства: знала, некому заменить ее у стола. Так и додежурила, впервые за много недель в слезах. И сына выходила.

Такой был здесь фронт.

Прочтите сегодня найденное мной письмо сочинской учительницы, написанное на донорской ампуле «Дорогой товарищ! Посылаю вам свою кровь. Желая полного выздоровления. Пусть моя кровь вернет вам прежнее здоровье, чтобы вы могли жить еще раз и снова пойти бить проклятых фашистов, отомстить за свои раны, за моего сына Германа, погибшего 4 октября под Лысой горой. Если будете в Сочи, в госпитале, напишите, я с удовольствием буду вас навещать как своего дорогого сына.

С материнской любовью Гаврилова Глафира Михайловна».

К сожалению, как рассказывает бывшая операционная сестра Г. Ениколопова, боец, получивший кровь Глафиры Михайловны, не мог в то время ей написать. В тяжелом состоянии он был направлен в стационарный госпиталь. «Письмо Глафиры Михайловны я оставила себе, – пишет Г. Ениколопова, – сберегла его и пронесла через всю войну, от Сочи и Туапсе до Одера. Я хранила его как реликвию, и оно прибавляло мне сил в тяжелые военные дни».

Страданиями раненых болели не только сотрудники госпиталя. Приходили жители Сочи, чтобы теплым словом, скромным подарком согреть больного. Желанной гостьей, особенно в палатах для тяжелораненых, была мать Николая Островского Ольга Осиповна. Одета в черное пальтишко, в глубоких галошах и сером шерстяном платочке, она с патефоном и пластинками в руках входила в палаты к тяжелораненым. И в палатах звучал чистый голос ее сына. Не раз и не два приходилось ей проигрывать пластинку с записью отрывка из романа «Как закалялась сталь» в чтении самого Николая Алексеевича.

«...В конце 1942 года, воспользовавшись короткой стоянкой в сочинской бухте, музей Н. Островского посетили моряки военного корабля СК-065. Мало кому был известен в то время катер-охотник, носивший этот номер. В присутствии матери писателя, подарившей на память морякам томик романа «Как закалялась сталь», бойцы поклялись бить врага по-корчагински. А спустя несколько месяцев, в марте 1943 года, СК-065 стал известен всей стране. У берегов Геленджика маленький корабль отразил десятки атак фашистских самолетов, защищая транспорт с фронтовыми грузами. За этот подвиг СК-065 стал гвардейским. Корпус катера был изрешечен сотнями осколков. Несколько членов экипажа погибли, многие были ранены, боевое ранение получила и книга «Как закалялась сталь». Пробитую осколками, с обожженными краями, передали потом краснофлотцы книгу в Московский музей Н. Островского, где она хранится и поныне». (А. Галатенко, «Черноморская здравница»).

Закончилась война. Но все шли и шли в Сочи санитарные эшелоны. Еще год не снимали военврачи хирургических масок. Для них война продолжалась. Потом начали открываться санатории, теперь уже на базе бывших госпиталей. Первых отдыхающих принимали опять же в «Кавказской Ривьере». Отдыхающих встречали цветами. Военврачи стояли у парадных входов с влажными от слез глазами. Теперь все. Кончилась и для них война. Завтра и впредь они будут мирными курортными врачами.

Об этом я и написал и напечатал в «Комсомолке».

Потом с помощью главного редактора «КП» Бориса Панкина я обратился в Верховный Совет СССР и министерство обороны, даже ходил на прием к маршалу А.А. Гречко. Было желание добиться своего. Сразу вроде бы получил какой-то благожелательный отклик. Но постепенно все затихло, я уже и веру начал терять. Как вдруг! Был опубликован указ о награждении Сочи орденом Отечественной войны первой степени. И мы, редакция «Комсомолки», настояли, чтобы на всех санаториях и домах отдыха, где в войну располагались госпитали, повесили мемориальные таблички об этом героическом факте. Да, газета добилась, нам удалось! Городские врачи, медсестры, санитарки, доноры-добровольцы были удостоены военных почестей.

Храню заметку Аллы Гусевой, заместителя директора музея истории Сочи.

«В годы войны курорт стал главной госпитальной базой юга России. Сто одиннадцать госпиталей были развернуты на всей его территории от Магри до Адлера. После лечения из Сочи на фронт вернулись полмиллиона солдат и офицеров, почти три четверти от общего числа раненых. И еще несколько лет после победного салюта сочинцы выхаживали раненых, покалеченных. Именно за этот подвиг мирный город-курорт получил столь высокую военную награду».

В Указе говорилось и о подвиге тех сочинцев, которые превратили свой город в Большой курорт. Там нет расшифровки, но, думается, речь идет о победе над малярией.

По статистике, малярия занимает первое место среди инфекционных заболеваний на земном шаре. Черноморское побережье Кавказа было заметно подвержено этому заболеванию. Особенно в болотистой местности. К ней относили и Сочи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.